

Звук почтового колокольчика появился так же внезапно, так же вдруг, ниоткуда, как и оленья упряжка с запорошенным путником на грузеной нарте, вынырнувшей из темноты. Встречный ветер до последнего уносил мелодию звенящего колокольчика вспять. Залаяли враз собаки, оповещая своих хозяев о ночном госте. Они-то давно уловили приближавшуюся упряжку, и, робко влаивая, будто от неуверенности, передали своею настороженностью людям предчувствие. Кто же не замечал за собою то странное состояние, когда звук, вдруг возникший в тишине ли, в кромешной темноте ли, будит в приникшем сознании самые разные чувства, от тревоги и испуга, до благодушного умиротворения. Все зависит от предчувственного ожидания.

Не успел Мыртя Уккувич отряхнуть набитый ветром снег с малицы и лохматой шапки, как из ближайшего чума вышел, словно выкатился из-под снега, невесомый коренастый человек с лампой в руке. Лампу он задирал высоко над головой, словно пытался осветить всю округу, но свету хватало только на то, чтобы отделить от ночного мрака его небритое лицо, наспех накинутую малицу да снег под ногами. От нарты лица не разглядеть, но Мыртя сразу узнал своего друга Тэранго: он всегда раньше всех выскакивает на улицу, встречая почту.

– Здоров будь, Тэранго. Мир твоему дому.

– Здоровый будь, Мыртя, ждем тебя уже третий день, – прохрипел спросонку человек с лампой.

– Я бы еще вчера приехал, но буран шибко разгулялся – у соседей ваших переждал... У Яптуная ночевал.

– Жена его как? Поправилась?

– Бегает уже так, что не догонишь, – шутливо ответил Мыртя, остукивая малицу и кисы короткой палочкой.

Из других чумов стали подтягиваться мужчины, потом повывакали женщины, а за ними и дети. Скоро все население стойбища собралось вокруг почтовой нарты. Не сговариваясь, мужчины сняли уже отвязанные почтальоном тюки и поочередно друг за другом нырнули в чум Тэранго. Единственный житель селения – сестра Тэранго – Устина не вышла на улицу. Она уже разожгла очаг, повесила большой чайник над огнем, настрогала тонкими пластиками мороженую нельму для гостей. В тепле, да при свете трех керосиновых ламп, разобрали почту быстро и расселись вокруг стола. Мужчины зашелестели газетами. Старый Кути Ачемович, напялил свои огромные очки на кончик носа и уставился в развернутую «Правду». Развернул газету и Тэранго, но его постаревшие глаза различали только фотографии и заглавия статей. Газетный шрифт он уже второй год читать не может. Он не без зависти посмотрел на Кути Ачемовича. Тот, как обычно в минуты занятости важным делом, причмокивал беззубым ртом. Так уже повелось, что очки все же достанутся и Тэранго, но только после того, как его старый сосед прочитает свои газеты, и своей нетерпеливостью страхнет с новостей сладкую пыльцу блаженного предчувствия. Старый Кути, почувствовав на себе тяжелый взгляд соседа, повернулся к нему, и сняв очки в черной оправе, скрепленной синей изолентой и перевязанной замасленным шнурком, протянул ему:

– На, возьми очки, Тэранго. Шибко темно у тебя, ничего не вижу все равно.

Место старику действительно досталось далеко от керосиновой лампы. Он не спеша сложил газету вдвое, потом еще раз; шлепнул с размаху на кучу своей корреспонденции. Взяв двумя руками кружку с горячим чаем, сладко потянул кипяток со звуком воркующего ручья.

Тэранго принял из рук старика очки, словно священный талисман из рук Великого Шамана, и то ли от переполнившего его чувства от того, что он сможет узнать новости раньше старика Кути, то ли по случаю прибытия почты, он строго, но так, чтобы не переборщить, сказал сестре:

– Налей, сестричка, бражки мужчинам, пусть выпьют. День сегодня хороший – почта пришла.

– А у женщин, что, не праздник? Женщины тоже бражки выпьют, если тебе не жалко, – пропищала молодая разбитная соседка, и женщины дружно хохотнули, как бы поддерживая ее.

– Тэранго не жадный. Устя, давай бражку. Первому Мырте налей – пусть согрется с дороги.

Устина поставила на стол ведро, зачерпнула мутной бражки в большую эмалированную кружку, подала почтальону.

– Кто хочет бражки, сами возьмите, – сказала Устина прищурившись, мол, не буду же я каждому бражку черпать да подносить. И сидящие за столом мужчины и женщины начали по очереди зачерпывать кружками, освободившимися от чая, побрякивая о боковину ведра.

Мыртя, устремив задумчивый взор к коптившей лампе, держал кружку двумя руками, как прежде держал горячий чай, выжидая, когда все наполнят свои чаши веселящим напитком. И только когда гомон улегся, когда умолкли жестяные звуки кружек и когда в чуме наступила тишина, он тихо, но так, чтоб слышали все, сказал, как бы затягивая слова:

– Скоро, однако, вертолетами будут почту возить – слышал от людей... – и сказанное словно оборвалось, будто не знал, как дальше вести разговор с земляками обычно говорливый Мыртя. Будто в горле застряли слова. – Да и стар я стал, тяжело уже по всей тундре колесить. Другого человека, наверное, поставят.

– Не согласные мы на другого, – тихо сказал старый Кути.

– Вертолет в пургу, да в сильный ветер не полетит, а у нас, почитай, ни один день без ветров не обходится, а дорогу ко всем стойбищам только ты знаешь, – поддержал его Тэранго.

– Никто нас не будет спрашивать. Как скажут, так и будет. Главное, чтобы почту возили исправно. Может, оно даже лучше будет: вертолетом-то быстрее, ну и чаще доставлять будут, а что я могу сделать, один раз в месяц и то не получается, – продолжил, будто оправдываясь, Мыртя.

– Мы так привыкли, нам и так хорошо, – вступил снова в разговор Тэранго, оторвавшись от газеты. – И где они столько вертолетов возьмут? Они тут у нас шибко редко появляются, а раньше их и совсем не было.

– Вон в газетах только и пишут о том, что недалеко от Оби-реки есть озеро Самотлор, а в том озере нефти много. Так там этих вертолетов много летает. О том и люди говорят, – сказал Кути, – Вот только далеко ли это озеро? – спросил он и потянул сладко бражку.

– Далеко, говорят. На оленях дней десять, а может, и двадцать, а то, может, не одна луна взойдет... Вот как может быть... Никто из наших там еще не бывал. Только нефть-то не в озере, а под землей, – возразил Тэранго. – У нас в тундре тоже ищут, говорят, нефть или газ, – он задумчиво посмотрел в сторону двери.

Тэранго окончательно оторвался от газеты. Да разве до чтения сейчас, когда такой разговор повелся.

– Ну, до нас далеко, к нам не скоро придут, – возразил старый Кути.

– Раз вертолеты зачастили над тундрой – значит, ждать недолго, – возразил неуверенно Хойко.

– Да, сын, о том тоже пишут в газетах. Говорят, газ под нами есть, – поддержал сына Тэранго.

– Куда потом с оленями? – грустно спросил Николай.

Кути, повернув голову, понимающе посмотрел на сына, задавшего такой непростой вопрос, тревоживший сейчас всех.

Вопрос повис в возникшей враз тишине. Захлюпала в кружках бражка, запокряхтывали старики; молча смотрели вникуда перед собой молодые. Даже женщины, съживившись, словно куропатки, сидели тихо. Каждый подумал о своем: об оленях, привыкшим к своим путям сезонных переходов от самого северного моря и до границы тундры и тайги и обратно. Кто считал, сколько раз стада проделали этот веками натопанный путь? О своих семьях подумали, послушно следующими дорогой оленей; о своих упокоившихся родственниках – не потревожили бы пришлые их могилы; о зверях в тундре и о рыбе в реках... Подумали о святых местах, чистоту которых необходимо сохранить, дабы Духи Земли сохранили свою благосклонность к людям. Тема разговора не то исчерпалась, не то не нашла продолжения по другой причине. Тревога и недоброе предчувствие связали языки присутствующим.

Скоро перешли на свое, привычное: весна уже дает о себе знать, нужно готовиться к весеннему касланию. Дождались, наконец, солнышка, по которому соскучились и стар, и млад. Показало уже оно свой золотой бочок, потянулись по тундре длинные тени; покатился по далеким пригоркам огненный шар, словно мчится на оленьей нарте. И пойдет кружить солнечная нарта, скользя по горизонту, по низким верхушкам ельника, что растет вдоль реки, выезжая все выше и выше. И запоют первые птицы, завохчут куропатки по ельникам вдоль ручьев; сойдутся в поединках могучие глухари... И заполнится тундра лебедиными песнями, журавлиными курлыканиями, захлопают натруженными крыльями в соседнем ручье утки; гусиный гогот зальет проснувшуюся тундру...

Из трех керосиновых ламп одна погасла, две оставшиеся замигали, как бы подсказывая хозяевам, что пора бы подрезать фитили и подлить керосину. Разговор только сейчас разгорелся. Молодые мужчины и женщины наперебой перебирали свои истории связанные с весной, с первыми лучами солнца. Старики, откинувшись на оленьи шкуры, отдыхали, вяло вступая в разговор все реже и реже. Уже уснул старик Кути, завалившись на сбитую комом малицу. Усталость сморила и Мыртя. Он уронил голову, упершись лбом в подставленные кулаки; и когда наступала короткая пауза, то все могли «насладиться» его бархатистым храпом.

– Я как-то поймала лучик рукой, – писклявым голоском пыталась прорваться сквозь мужские басы и храп Мырти жена младшего сына Тэранго.

– Удержала? – хохоча и как бы с издевкой, спросил Хойко, – ручки не обожгла? Что-то я не видел на твоих ручках следов от ожогов.

– Я тогда была совсем маленькая, правда. Я маме тогда рассказала и она мне поверила, а вот ты никогда не веришь, – и она надула свои симпатичные губки.

– Ты зря обидел Аснэ, – она правду говорит, – вступился за невестку Тэранго, – человек может и ветер поймать, и луч солнца погладить, и тучи потрогать. От него зависит. Ты же только оленя можешь поймать, да медведя заломать. Ты мужчина... А вот когда был маленьким ребенком, сам мне солнышко на ладошке приносил, ветер руками обнимал, луну хореем трогал. Не помнишь? Короткая у тебя память.

II

В чуме наступила тишина. Похрапывал уснувший Мыртя. Лампа, что висела над столом, зашипела, ярко вспыхнув, но через минуту захлебнулась, изрыгнув из своего нутра черный вонючий дым.

– Все, пора расходиться, – тихо, но властно сказал Хойко. Кути, вскинув седую голову, осмотрелся мутным сонным взглядом, выпрямился. Мыртя же, сморенный долгой дорогой, не шевельнулся, но храп ненадолго притих.

– Останься, сын, мне с тобой потолковать нужно, – Тэранго, чуть повысив голос, обратился к Хойко, уже направившемуся к выходу.

Так же, как зашли дружно в чум, все бесшумно и быстро покинули его. На улице никто не нарушил тишину громким словом, словно растворились в темном зеве тьмы.

– Завтра поедем к реке... – обратился к сыну Тэранго.

– Почему завтра? Мы же собирались на следующей неделе...

– Не перебивай, – грубовато осек сына Тэранго, – ты все ветер норовишь обогнать, ты все впереди оленя побежать хочешь... Научись уже терпению, мужчина... Нужно притащить тот кедр, что мы выловили весной. Облас хочу успеть до начала каслания сделать. Хотя куда мне спешить, я в этот раз с вами на летние пастбища не пойду, сделать успею.

Хойко не рискнул задать вопросы, которые уже вертелись на языке: зачем спешно рубить облас, тем более, что старый еще хорош, почему отец решил остаться здесь?

Прочитав эти вопросы в глазах сына, Тэранго произнес тихо, с оттенком не то смущения, не то неуверенности:

– За очками пойду, – голос, будто потерял твердость и привычную зычность, – я давно хотел себе очки купить.

Наверное, впервые за всю свою жизнь сын так посмотрел на отца. В своем ли он уме? Куда, зачем? Неужели нельзя обойтись без очков?

– И далеко ли собрался, отец? – спросил сын с нотками иронии в голосе.

Отец, выдержав паузу, возникшую от своей же растерянности, продолжил:

– Далеко. Ты уже слышал про город Нижневартовск, ну, где нашли нефть? – Тэранго почувствовал себя неловко, будто оправдывался в чем. – Посмотреть хочу, как нефть добывают... Как люди там живут...

– Слышать-то я слышал, все газеты об этом пишут, но путь не близкий, да и дорогу как найдешь?

– Рассуждаешь так, будто не в тундре родился, будто и не ненец... Эх, молод ты еще... Дорога сама покажет, куда идти. Есть солнце, луна, звезды, есть небо, облака, река, есть люди... Видишь, сколько помощников? Нужно знать, куда идешь, и главное – начать свой путь, сделать первый шаг... С оленями и без меня справишься. Какой теперь с меня помощник... А мне и заботиться теперь не о ком, я теперь вольный, как птица... Только не радуется меня такая воля, – тихо продолжил он, чтобы сын не услышал. Отвернулся Тэранго, чтобы не увидел сын заблестевших глаз: не зажила еще рана после смерти жены, хотя две зимы уже миновало.

– Не знаю, что и сказать...

– А ничего не говори. Я уже все решил.

Хойко, пожелав отцу спокойной ночи, вышел из чума, прикрыв за собой оленьей шкурой низкий выход. Устина быстро собрала со стола посуду, кружки, вымыла в большом тазу и тихо улеглась на своей женской половине. Наступила полная тишина. Тэранго, подладив фитили в лампах, подлил керосину, зажег одну у края стола, удобно не то уселся, не то улегся на своем лежаке и, пользуясь тем, что очки остались у него, решил почитать газеты. Так редко бывает, чтобы он раньше старого Кути узнавал новости. Он развернул «Правду» и погрузился в чтение.

«08.01.1973 года в с космодрома Байконур, – читал Тэранго, – осуществлен пуск ракеты носителя «Протон-К», которая вывела на траекторию полета к луне автоматическую межпланетную станцию «Луна-21» с самоходным лунным аппаратом «Луноход-2». 12.01.73 г. Советская Автоматическая Межпланетная Станция «Луна-21» была выведена на орбиту вокруг Луны. Параметры орбиты составляют: наклонение орбиты к плоскости Лунного экватора – 60 градусов; период обращения 118 мин.; минимальное расстояние от поверхности Луны – 90 км; максимальное расстояние от поверхности Луны 110 км».

После прочитанного Тэранго поднял глаза к отверстию над очагом. Сквозь сизую дымку размывалось темное пятно. Он начал перебирать другие газеты, уже заранее зная, что ищет.

«15.01.1973 г. Советская автоматическая межпланетная станция «Луна-21» совершила мягкую посадку на поверхности Луны на восточной окраине моря Ясности внутри кратера Лемонтье в точке с координатами 25 градусов 51 минута северной широты и 30 градусов 27 минут восточной долготы. На поверхность Луны доставлен автоматический самоходный аппарат «Луноход-21», который в течение 5 лунных суток прошел 37 километров».

Эта новость уже не была новостью для Тэранго, ибо он уже слышал неоднократно по радио об успешном запуске нашего космического корабля, о доставке на Луну самоходного аппарата, но одно дело услышать, а совсем другое – прочитать в газете.

Тэранго вышел на улицу, захватив за чем-то очки. Вьюга давно утихла, небо вызвездилось. Низко над линией, отделяющей землю от неба, висела огромная луна, собравшаяся

яся вот-вот уйти под землю. Он смотрел на яркое пятно тягучим взглядом. Сейчас она очень походила на бубен.

Тэранго начал пристально вглядываться в светящийся бубен, пытаясь разглядеть луноход. И ему даже показалось, что он видит темную точку – ползущую маленькую букашку. Глаза начали слезиться от напряжения, и он, нацепив очки, присмотрелся, смешно вытягивая шею, но очертания Луны расплылись, букашка исчезла.

Тэранго зашел в чум. Все уже спали, а он, рассматривая фотографии лунохода в газете, поднимал вновь и вновь глаза кверху. Можно было перечитывать и перечитывать заметку в газете, и это доставляло старому ненцу истинное наслаждение. Так и уснул он в обнимку с газетой, с блаженной улыбкой на устах.

Утром он долго не мог найти очки. Оказалось, они упали со столика. Тэранго достал их, протер тряпочкой. Он даже поежился от мысли, что кто-то мог наступить на очки и сломать их.

– Нужно отнести очки старику Кути, – тихо сказал Тэранго, – но он еще спит, наверное.

– Сам прибежит, – ворчливо скрипнула сестра, уже кружащая вокруг разгорающегося огня.

Проснулся Мыртя. Он, уморенный долгой дорогой, только сначала немного похрапывал, а потом спал так тихо, что, казалось, его вовсе нет в чуме. Услышав голос Устины и бормотание своего друга, он приподнялся на локте, не решаясь, однако, вылезти из-под одеяла.

– Подкинь дровишек в огонь, Устя, а то зябко, – промолвил он сиплым после сна голосом.

Устина и без его напоминания уже подбросила несколько поленьев, но они еще не успели воспламениться животворным огнем.

– Сейчас разгорится. Скоро чай будет, – по-деловому сказала Устина, – Рыбки настрогать? – спросила она.

– Не откажемся, – сказал Мыртя.

– От нельмы не откажемся, – подтвердил Тэранго.

Мужчины, конечно же, согласились с таким предложением. Правда, и вопрос женщины, и ответ мужчин, скорее всего, служили не более чем утренней словесной разминкой. Женщина уже занесла в чум большую нельму, чтобы немного оттаяла. Ловко содрав шкуру с рыбыны, она острым ножом начала снимать белую стружку, укладывая завитушки в большую миску. На столе уже стояла глиняная посуда с разогретым гусиным жиром и плавающими в нем шкварками. Мужчины подсади к столу.

– На Большом озере стреляли гусей? – спросил Мыртя.

– На озере. Старый Кути только не ходил с нами. Первый раз за все время.

– Да-а-а-а, – протянул Мыртя, – постарел наш Кути, сгорбился.

– Осенью совсем худо было. Думали, не выживет, но как-то справился, значит, поживет еще.

– Раз боги терпят его, значит, и людям еще нужен, – Мыртя макнул хлеб в гусиный жир.

– Как не нужен? Нужен. Хотя и спорим мы с ним иногда, но то в основном из-за газет.
– А что из-за них ругаться да спорить? – искренне удивился Мыртя, хотя знал, почему иногда устраивают разборки между собой старый Кути и Тэранго.

– Так он прочитает первым, и растрещит всем о новостях, как сорока, а мне потом и читать не интересно. Очки-то одни, вот по очереди и читаем.

– Только и споров-то?

– А о чем нам еще спорить? Всю жизнь вместе. Он как-то сказал: помру, очки себе заберешь. Но мне так не нужно. Сам куплю себе очки, – Тэранго уставился на огонь, – ему самому пригодятся они в нижнем мире. Там ему негде купить...

– А ты где купишь?

– В Нижневартовске...

И Тэранго снова уловил такой же взгляд, как вчера сыновний.

– Хочу посмотреть, как нефть добывают. Так много пишут про Самотлор, про Нижневартовск. Интересно, как люди живут, – продолжил Тэранго.

– Это же далеко...

– Ну да, далеко, но, однако, не дальше мысли, – сказал Тэранго и задумался.

– Да-а-а, – протянул Мыртя.

– Наши на Луну луноход забросили. Читал? – спросил Тэранго, пытаясь переменить тему разговора.

– Читать-то читал... Это уже второй... Но понять не могу, как такое может быть, – Мыртя задавал вопрос, а сам думал о другом, о том, что друг его решился на долгий путь в никому из его народа не известный Нижневартовск.

И, зная Тэранго с самого детства, Мыртя не сомневался, что скоро ступит друг на тропу долгих скитаний. Нет, он не тревожился по поводу того, а не собьется ли с пути Тэранго, не заплутает ли в таежных лабиринтах там, где растут большие деревья, из-за которых не видно бывает ни луны, ни звезд; где живут незнакомые люди... Мудрый Мыртя знал, что дорога сама покажет правильное направление. О другом с сожалением думал – о том, что не сможет разделить с другом этот путь.

– Раз пишут, значит, может быть. Вот это далеко, а ты – Нижневартовск, – сказал Тэранго, вернув друга к действительности, и начал набивать трубку табаком.

– Да-а-а, – опять протянул Мыртя, не зная, чем возразить другу, продолжая думать о своем.

После чая Мыртя стал собираться в дорогу.

– Пора ехать. Отдохнул я хорошо, спасибо тебе, друг.

Выходя из чума, Тэранго снял с крючка аркан.

– Тоже куда-то собрался? – спросил Мыртя, заметив аркан для ловли оленей в руках своего друга.

– Поеду на реку, притащить кедр нужно для нового обласа. Прошлой весной в большую воду такой добрый кедр прибило...

- Старый, что ли прохудился? – перебил своего друга Мыртя.
- Нет, старый облас у меня еще добрый, но мне нужен побольше, на пять-шесть лебедей.*
- Толстый кедр нужен, однако, – Мыртя с пониманием отнесся к желанию Тэранго сделать большой облас.
- Этот кедр такой, что втроем не обхватить, – Тэранго развел руки.
- На обратном пути заеду – помогу, облас долбить, – сказал Мыртя, закрывая за собой выход из чума.

III

Мыртя пошел в сторону редкого низкорослого ельника, где паслись его олени. Это ягельное место берегли хозяева и не пускали туда стадо. Там в корале среди других оленей паслись и его ездовые.**

Поймал Мыртя своих оленей быстро. Подведя к нарте, надел на них упряжь, еще раз проверил поклажу: хорошо ли увязана; ловко прыгнул в нарту и олени с места помчали его в бело-синюю мглу. Взлаяли собаки для порядка, провожая упряжку, но тут же смолкли в ожидании кормежки. Они уже привыкли к определенному распорядку – начиналось утро.

Упряжка почтальона, вырезав пологую дугу вокруг стойбища, вскоре скрылась из виду. Бегут неторопливо олени, тихо шуршат полозья нарты. Наездник-каюр умело направил упряжку в нужную сторону, ориентируясь по только ему известным приметам, а может, и полагаясь на то чутье, что вырабатывается долгим и тяжелым опытом пройденных дорог. Он отметил, что стало светлее. Уже достаточно заметное зарево над ровной линией горизонта подсказывало, что скоро уже, очень скоро вылупится долгожданное солнце, как птенец из яйца, чтобы тут же нырнуть за линию земли. Каждый день солнце будет задерживаться все дольше и дольше, пока золотая нарта не выйдет на свой круговой путь. Нарта Мыртя как раз направлялись в сторону светлой полосы между небом и землей. Казалось, что нет ориентиров, нет никаких особых примет в этом бескрайнем белосинем пространстве, не за что зацепиться глазу, нет возможности найти верную дорогу. Но так может показаться только неопытному путнику. Старый почтальон верно выбрал направление на светлую линию горизонта, на еле заметную возвышенность. Он точно знает, что через какое-то время ему встретится одинокий каменный валун, неизвестно каким образом очутившийся далеко от гор, потом нужно повернуть немного левее, и по-

*Ненцы условно измеряют водоизмещение обласа количеством лебедей, которых можно перевезти в обласе помимо необходимого инвентаря охотника: ружья, теплой одежды, топора, небольшого набора съестных припасов. Малый, легкий облас, обычно соответствовал двум-трем условным лебедам, большой – пяти-семи лебедам.

**Обычно недалеко от стойбища оленеводы устравивают кораль – огороженный ягельный участок для содержания ездовых оленей, которых часто используют для хозяйственных нужд. Тут же содержатся олени, требующие особого ухода: больные, ослабшие, раненные. Иногда в такие корали помещали оленей, отобранных для проведения сакральных жертв. Основное стадо паслось в другой стороне (А. В. Головнев).

явится редкий ельник, кустарники тундровой карликовой березы. Там обычно встречаются куропатки, сбивающиеся в огромные стаи. Это любимое место для лис и песцов. Затем последует распадок небольшой реки, длинный спуск, густые заросли кустарников у самой реки и затяжной подъем. Мыртя, чтобы не уснуть, затянул песню. Горловой звук его песни заглушил колокольчик. Пел он о том, что у его друзей Тэранго и Кути чумы стоят на том же месте, где и в прошлую зиму и олени пасутся на тех же пастбищах, и о том, что боги пока милостивы к больному Кути, и просил он в своей песне здоровья старику, который всю свою жизнь знал одно дело – пасти оленей, что вырастил он четверых детей, что дочери сейчас далеко ставят чумы своим мужьям; но летом они встретятся на берегу Северного моря, куда погонят стада и Кути с сыном Николаем, и мужья дочерей старика. Там и встретится большая семья. Пел и о том, что в следующую зиму поставит ему жена чум рядом с чумом своего друга Тэранго. В песне его нашлось место и непонятному решению Тэранго пуститься в тяжелый, полный опасностей путь до неведомого города Нижневартовска. Когда взор его убежал так далеко, что доставал земли спину,* он ловил мелькающие сквозь редкий ельник лучи солнца. Он пел о золотой нарте, появившейся совсем ненадолго. О солнце пел он, кружася долгую зиму там ниже черты земли, но, поднимаясь все выше и выше, является оно людям, оленям и всему живому. И радостно танцуют женщины, и прыгают от радости дети, и даже суровые мужчины не могут скрыть радости, кружа вокруг костра жизни. И шаманы непременно ударяют в свои бубны, возвещая новый день, новую весну. Вот и недавно встретили новое солнце. Вот о чем пел Мыртя.

Разбежались из-под нарты куропатки, проквохтав глухо, и скрылись в зарослях карликовой березы. И уже песня его повернула в другую сторону: он пел о весне, о птицах, которые так ждут ее – светлоглазую весну; и тогда тундра наполнится разноголосым птичьим переливом. Конечно же, круглосоточно будут квохтать куропатки, зачүфыкают косачи, затрубят в небе длиннееше лебеди и закрякнут громко быстрокрылые утки, загочут гуси. Кулики затанцуют вдоль разливающихся речек, зашумят ручьи и заплещется рыба в реках. Обо всем этом пел Мыртя, подражая разными голосами и птицам, и зверям.

От опытного каюра не могло ускользнуть то, что олени начали подавать признаки усталости: бег их стал не так резв, а вожак стал оглядываться и характерно фыркать. Нужно было искать место для отдыха. И вот небольшой взгорок перед очередным ручьем. Мыртя остановил оленей, спустившись, однако, к распадку, чтобы укрыться от ветра. Он уже привычно привязал узду передового оленя к левому копылу нарты.** Олени тут же принялись копытами разбивать плотный наст, жадно хватая ягель вперемежку со снегом.

Мыртя отвязал матерчатый мешок, перетянутый веревкой, извлек из него кусок уже

*Важную роль в ненецких пространственных представлениях играет понятие маха (спина): выражение я-маха означает земли-спину – изгиб горизонта, хорошо просматривающийся в безлесой тундре; подобный смысл имеет и образ ид-маха (воды спина), создающийся при взгляде на «тот край» моря.

**Это делается для того, чтобы не потерять оленей на стоянке. Таким образом привязанная узда работает, как повернутый руль машины: даже если напуганные олени сорвутся с места, они будут бегать по кругу (А. В. Головнев).

почищенной мороженой рыбы, вяленую оленину, круглый, как солнце, хлеб, испеченный для него Устей. Достал также старый, повидавший виды, китайский термос, помещенный в меховой мешочек, специально сшитый еще руками жены. На специальной дощечке он настрогал белоснежную нельму. Готовил свой обед Мыртя не спеша, понимая, что и оленям, и ему требуется отдых.

Когда ночь длится чуть ли не два месяца, и когда призрачность света уже приобретает какие-то явные очертания, когда хоть ненадолго появляется солнечный свет, все живое наполняется предощущением перемен. И пробуждающаяся природа в этом сизо-голубом мареве подает первые сигналы к возрождению нового витка жизни, как было прежде многие столетия, и как будет продолжаться впредь. И эти первые признаки надвигающейся весны от внимания Мырты не ускользнут. Уже и куропахи заклохотали, олени сбросили рога и стали комолыми. Только важеньки еще не потеряли свои рога. Мыртя решил немного отдохнуть, и, готовя себе место под кустиком карликовой березы, отметил, что цвет ее коры еще не изменился и почки не утолщились. Стало ненадолго светлее, но солнце, показавшее свой золотой бок, торопливо спряталось за линию горизонта. И все же света стало больше. День, ночь, свет, тьма... Но даже в самую долгую полярную ночь люди спят столько же, как и в полярный день, никогда не теряя ощущения дня в крошечную темень, и ночи, когда солнце вертится вокруг чума все двадцать четыре часа. И не просто так без причины пришли такие мысли в голову старого каюра. Вспомнился разговор с одним ученым, приехавшим в тундру изучать феномен полярных ночей. Ему никак невозможно было разобраться, где же суточное «размежевание дня и ночи», если «все время темно». Как люди в тундре определяют, когда им спать, а когда работать. Чудак-человек, усмехнулся Мыртя, вспомнив его глуповато-недоуменное лицо, когда на вопрос: «вот сейчас день или ночь?», жена Мырты ответила: «сейчас утро». Ученый, при всем своем просветленном уме, долго хлопал глазами, спросил: «А откуда вы знаете?». «Очень просто, – ответила жена, – мы же только что проснулись, скоро будем завтракать, а завтракают утром». Смеялись все: и соседи, забредшие на огонек, узнав о госте, и дети и внуки, и наконец, сам ученый так расхохотался, что его еле уняли.

Мыртя встревожило то, что ветер совсем утих, и это могло предвещать смену ветра на южный. Ждать от южного ветра в эту пору можно только ненастье и пургу. Уснул Мыртя с тяжелой думой о предстоящей смене погоды. Так и случилось уже скоро, сквозь сон он ощутил на лице сырость от растаявших снежинок. Поднявшийся ветер закружил снежную пыль в бешеной круговерти, вокруг стало темно. Олени улеглись. Их быстро укрывало белым снежным налетом. «Пусть отдохнут еще немного» – подумал Мыртя. Сам же разгреб снег за оленями и лег, защищенный от ветра. Он, умудренный опытом, понимал, что спешить сейчас не следует: такой буран – это надолго. «Вот, придется ночевать в куропахьем чуме*» – вздохнув, подумал Мыртя, засыпая.

Любой человек мог бы растеряться, оказавшись среди бескрайней тундры, среди такой крошечной тьмы, когда вокруг не видно ни зги, когда сердце больно замирает от

*«Ночевать в куропахьем чуме» – так называют ненцы ночевку в снегу. Куропатки спят в снегу, укрываясь от пурги, мороза (А. В. Головнев).

мысли, что все кончено. Но Тэранго, поправляя сбрую на оленях, отряхивая снег с нарты, казалось, являл собой образец уверенности и невозмутимости. Он не чувствовал себя безнадежно одиноким человеком, как и, впрочем, потерянным в этом безбрежном мире бушующего бурана. Он точно знал, куда направить свою нарту, а путь его лежал в сторону Восходящего солнца. Нарта легко тронулась с места и бесшумно умчалась в ночь, вернее будет сказать – в темень, ибо только два часа, как перевалило за полдень. «К вечеру бы добраться до стойбища» – все же с тревогой подумал Мыртя. Он знал, что полпути пройдено, но в такую пургу может понадобиться гораздо больше времени, чем обычно. Тут главное – не пройти мимо стойбища, не отклониться слишком вправо, потому что, оказавшись с наветренной стороны, олени не учуют стойбище. Но, даже если он промахнется, дальше пасутся стада Иуси Афанасия, олени мимо стада уж точно не пробегут. Об этом и думал Мыртя, сидя на нарте и отвернувшись от ветра и косого секущего снега. Олени шли почти шагом: местами между кочками или мелкими кустарниками намело снегу плотными наметами. Выбравшись на ровное место, где снег не задерживался, нарта ускоряла свой ход. Мыртя снова затянул песню, но она была уже не так энергична и оптимистична, голос его тонул в снежном мареве. Пел он о тяжелой дороге, о том, как тяжело сейчас оленям в такую пургу, да и самому каюру лучше бы сидеть сейчас в теплом чуме и пить горячий чай. Привыкли олени к песне старого почтальона. Бегут они где-то резвее, там, где снег сдуло с возвышенности, а местами совсем переходили на шаг, преодолевая глубокий снег в низинах. А каюру все пел, отворачивая лицо от ветра и секущей снежной крупы.

Передо мной стелется мост из летящего снега
от земли и до самых небес.

Хозяин Земли и Хозяин Неба здесь встретились,
они помогут мне и моим оленям найти дорогу.

Нигде не видно тропинок, спрятались звери,
спрятались птицы в свои снежные чумы,
пережидая буран...

Моя нарта летит по небесной земле туда,
где ждет меня семейство Нгокатэтто,
где стоят их теплые гостеприимные чумы...

Где благодатный огонь отдает свое тепло,
освещая лица их хозяев...

Устали уже олени, устал и Мыртя, заоченели ноги и спина от долгого сидения без движения. Он прервал песню на полуслове. «Легче дрова таскать, легче невод тяжелый тянуть, чем так долго сидеть неподвижно», – думал Мыртя. Вдруг он заметил, как передний олень характерно встряхнул головой раз, потом снова. Верный признак того, что уловил запах стойбища. Мыртя повернул оленей правее. Можно было этого не делать, так как вожак уже начал поворачивать в нужную сторону. Вскоре и сам Мыртя уловил запах дыма. Олени побежали резвее, предвкушая отдых.

Уже скрылась из виду упряжка Мыртя, уже не слышно колокольчика, а Тэранго все не может оторвать взгляд от светлой полоски в стороне Восходящего солнца. Тревожился ли он о своем друге, умчавшемся в синюю мглу? Нет, никакой тревоги он не испытывал. Мыртя был бывалым наездником-каюром, опытным оленеводом, и в тундре ему ничего не угрожало. Жизнь научила его всем премудростям кочевой жизни. Думал Тэранго о том, что вот приходится уже немолодому Мыртя колесить по тундре вдали от дома; ночевать у чужих очагов чаще, чем в своем родном чуме, что силы человека небезграничны, и что когда-то не сможет Мыртя отправиться с почтой в путь по стойбищам. В этом месте мысль застряла, не находя продолжения. Снова подумалось о назойливых вертолетах.

Подошел Хойко.

– Моя упряжка готова, – сказал он, кивнув в сторону своего чума.

– Вижу.

– Дедушке Кути совсем плохо. Утром сноха прибежала за лекарствами, – в голосе сына читалась тревога.

– Пойду, навещу. А ты пока мою упряжку приготовь. Нарту грузовую возьми, – на ходу бросил Тэранго, почувствовав, как холодеет в груди.

Старый Кути лежал на своем месте, укрытый одеялом, хотя в чуме было довольно тепло. Лицо его казалось бледнее обычного, глаза устали в одну точку. Даже когда Тэранго зашел в чум, тот не повернул голову.

– Здоров будь, Кути, – сказал громко Тэранго.

Только теперь глаза старика встретились с глазами вошедшего соседа.

– Здоров, – тихо, еле слышно вымолвил Кути.

В чуме повисла тяжелая тишина. Даже всегда веселая и говорливая невестка молча сидела в своем углу, опустив голову. Лица ее не было видно, но можно было догадаться, что она тихо плачет. Уж очень скорбно сидела она. Все знали, как по-доброму, по-отцовски принял невестку Кути, как она отвечала взаимностью ему.

– Пришла пора уходить в нижний мир, – так же тихо сказал Кути, но как громко прозвучали его слова, словно раскаты бубна оглушили Тэранго.

– Осенью ты тоже болел, но выздоровел, – попытался возразить Тэранго.

– Да, Тэранго, осенью я болел, а сейчас умираю: нет сил удержаться на земле. Мне уже показалась Си-Нга,* красавица уже у моего порога... – наступила тишина. Старик собирался с силами, чтобы произнести, может, главные слова:

– Я видеть тебя хотел ... Возьмешь очки, они мне уже не нужны, – и старик закрыл глаза.

*Красавица-смерть Си-Нга приходит к мужчине на грани жизни со смертью. Ощущая слабость, а то и переходя уже порог жизни, он отдается земле, болезни, смерти – все женского пола. В соитии с красавицей-смертью Си-Нга выражена идея брака с «новым» миром; в этом заключена символика наоборот «через ту же «дыру» – утробу» (А. Б. Головнёв).

Тэранго хотел возразить, что, мол еще выздоровеешь, еще прочитаешь много газет, но не вымолвил ни слова, потому что язык прилип к зубам, потому что сдавило горло, потому что не нашел в себе сил открыть рот. Он смотрел на бледное лицо своего старшего товарища с чувством не то горечи, не то жалости, не то простого человеческого сострадания. Глаза старика вдруг открылись, и он мутнеющим взором нашел своего друга.

– Помнишь, мы были у Лона Земли, у священного Невехэге...* Я ему тогда оставил старый бубен Абчи. Он ночью тогда явился ко мне и сказал: «Ты, Кути, до белых седин доживешь». Там я нашел три медвежьих клыка. Один зашит у меня в малице, другой – у моего сына, а третий вот... – Кути разжал кулак, – это твой, возьми. Ты тоже до седин доживешь. Не бойся ничего, соверши то, что задумал, Седой Старик тебе поможет. Он мне сам сказал, – глаза Кути каким-то неестественным образом закатились и он замолчал, дыхание прервалось, ноги его вытянулись, достав до металлического листа, что подстелен был под очагом.

Потрясенный случившимся, Тэранго вышел из чума. Нет, смерть его не пугала. Он ее видел. Сколько родственников похоронил, и жена тоже покинула этот мир не так давно. Его потрясли слова старого Кути, который, оказывается, так дорожил дружбой с ним. Тэранго держал зажатый в руке медвежий клык, выбеленный временем. Чувство смятения и скорби, благоговейности и безмерной благодарности наполнило его душу. Он столько лет хранил его – этот оберег, эту святыню, и ждал часа, чтобы передать другу.

Только теперь он заметил мчащуюся со стороны пастбища упряжку. Бело-синей снежной пылью окутывало резво бегущих оленей. Нарта остановилась, поравнявшись с Тэранго. Сын Кути – Николай, объезжавший стадо, вернулся со своего дозора. Заметив две упряжки, он спросил не без доли удивления:

– Далеко ли собрались?

– На реку, – выдавил Тэранго сипло, и опустил влажные глаза. Он разжал кулак, на его ладони лежал медвежий клык, выбеленный временем.

– Отец! – коротко вскрикнул Николай и метнулся в сторону чума.

Много ли нужно наблюдательному человеку, чтобы догадаться о самом страшном. Хойко, видевший, как вышел из чума его отец, низко наклонив голову и скорбно согнув спину, и то, как молнией юркнул в чум Николай, все понял.

Тэранго достал табак, трубку. Долго набивал табак. Долго жевал мундштук, перекладывая его с одного угла рта в другой, медленно вытягивая спички откуда-то из рукава, вглядывался вдаль в сторону Лона Земли, безбрежного студеного моря. Вспомнилось в эту минуту, как тогда, когда он был еще совсем молодым, собрались они с Кути на главное святилище, как от стойбища к стойбищу рос их обоз за счет присоединяющихся упряжек. Годом раньше старший брат Кути – Абчи умчал на своей нарте один на главное святилище. Абчи был шаманом. Об этом говорили шепотом – время такое было, что нельзя о

*На острове Вайгач, считающемся священной землей – Лоном Земли – есть священный камень Невехэге, куда приезжают ненцы со всей тундры. Посещая святое место, ненцы оставляли свои старые вещи, имеющие особое значение для их хозяина. Побывать у святого камня считалось особым достижением (А. В. Головнёв).

шаманах вслух говорить. Семью Абчи не завел, хотя пятый десяток уже истекал. Жил со своими сестрами да с мамой. Потом сестры замуж повыходили, он вовсе один со старухой в чуме остался. Не такой, как все, был Абчи: сильно заикался, да так, что слова иногда произнести не мог. Махнет рукой, психанет, и вовсе утихнет. Однажды в гневе на себя нарту топором повредил. А вот когда начинал камлать, когда пускался в пляс вокруг огня с высоко поднятым бубном, песня его выходила гладкой, без всякого даже намека на заикание. Песня ложилась ровно и легко, летела, словно птица белая над тундрой. На всю тундру расходилась о нем молва, но только среди своих. Иноверцам-чекистам никто о таком его таланте не доносил. Ушел Абчи в ту весну навстречу северным ветрам и не вернулся. Попал в пургу ли, в туман, никто того не знает. Спутались, видимо, земной путь с небесным, и умчала его нарта в небо. Так говорили его родичи. Так и Кути говорил: «он дорогой небесной в Божий чум попал», а там у Бога небесного, как известно дочь красавица. Вот и женился на ней Абчи. Раз здесь на Земле не было у него женщины, то уж там окружен Абчи лаской и любовью дочери самого божества. Может, когда-нибудь спустится он на землю вместе со своей женой. Но пока ни его, ни его жены никто не видел.

Вот они с Кути через год решили тоже испытать судьбу. Кути тогда взял старый бубен брата, чтобы возложить его к святому камню Невехэге. Дошли они к святому месту, поклонились Святой Земле, принесли в жертву белую важенку. Много народу с ними побывали там, «где должен побывать каждый ненец» – так говорил великий шаман Абчи.

Тихо подошел Хойко. Даже приглушенного хруста весеннего мягкого снега достаточно, чтобы вывести из состояния задумчивости чуткого Тэранго. Сын положил руку на плечо отца.

– Не грусти так, отец, – сказал он мягко.

– Как не грустить. Тяжело потерять такого друга: мы же с ним к Святому камню ходили. Много народу тогда собрали по дороге. До сих пор благодарят, что мы затеяли такое великое дело. А ведь это все он. Он тогда хотел брата найти. Теперь найдет, теперь они встретятся... Они теперь одними дорогами ходить будут.

– Он мог умереть еще осенью, – сказал Хойко.

– Да, тогда он был очень плох, но мне приснился Абчи, и я рассказал ему о болезни брата. Абчи живет в Божьем чуме. Вот он и обратился к Нуму,* чтобы тот заставил Нга** забрать болезнь. И тогда посланный Нумом ветер сдул с большого Кути следы прикосновения Нга. Сегодня мне не приснился Абчи, хотя я звал его. Нет его, наверное, уже в Божьем чуме. Наверное, пришло время спуститься на Землю со своей красавицей женой. А может, снова гнусный Нга зло пошутил над ним и опять сбил его с пути, и теперь он умчал в нижний мир. Там и встретятся братья.

*Нум – сотворитель земли, небесный дух. «В небесах обитающий верховный бог» Нум обитает на верхнем из семи небес. Живет в постоянном противоречии с Нга.

**Нга – бог смерти, который живет в нижнем мире за семью слоями мерзлоты. В мире нга тело покойника (нгай) превращается в жучка си. Вот почему нельзя издеваться над букашками. Легенды гласят, что каждую ночь посланники нга одолевают человека. Они забираются в темный чум. Когда человек засыпает, Нга незаметно касается человека или залетает в рот и вызывает болезни (А. В. Головнёв).

Уже к вечеру Тэранго с сыном привезли толстенное бревно на грузовой нарте. В другое время все бы вышли полюбоваться таким кедром. Уселись бы на его крепкую спину, закурили бы трубки; много слов хвалебных слетело бы с их языков: вот, мол, какое толстое дерево, которое стояло где-то на самом яру у реки. Глухари, косачи садились на него; белки находили приют в кроне такого могучего дерева, а теперь предстоит этому кедру переродиться, облачиться в другую личину, и будет он отныне обласом, летящим по волнам. Так, наверное, сказал бы Кути, подтвердил бы его слова Тэранго, и с ними согласились бы и молодые мужчины – их сыновья. И женщины удивлялись бы не только могучести кедра, но и силе своих мужчин, хвалили бы их; и дети непременно лазили бы по бревну, прыгали с него, весело хохоча. Но ничего такого не происходило сейчас. Только дети, проявив любопытство, забрались на спину большого бревна, потом попрыгали в снег, но без всякого шума, крика, будто язычки им кто-то прищемил.

Потом долго визжала на предельных оборотах бензопила, разрывая томительную тишину и снежную метель в клочья. Сыпались тугим снопом опилки из-под шины пилы. Рядом полукругом стояли дети и зачарованно смотрели, как искрами рассыпаются опилки, смешиваясь с кружащимися задорной круговертью снежинками. Это Тэранго срезал лишнюю древесину с толстого бревна. Делал он это с особым тщанием и старанием, чтобы спил получился ровным, чтобы отсеченный горбыль можно было употребить на то дело, которое он задумал. А решил он смастерить что-то наподобие поддона, на котором и похоронят его друга, старого Кути: не на голом же снегу лежать ему до весны.*

V

Человек утрачивает возможность жить спокойно, безмятежно и размеренно, как только начинает пещься и волноваться о продлении жизни. Страх смерти поглощает человеческое достоинство, лишает радости жизни, превращая ее в мучения. Нельзя допустить, чтобы страх смерти затмил радость жизни. Об этом иногда говорил Кути.

– Зачем думать о смерти? Думай, не думай, она же все равно придет к каждому из нас. Тревожить ее не нужно, а то еще услышит, что о ней говорят, да и явится раньше времени.

– Но ведь страшно умирать, – возражал Тэранго.

– Человек не успевает испугаться, – отвечал на это мудрый Кути, – смерть наступает неожиданно, хоть и каждый человек с момента рождения изо дня в день идет в одну сторону – к смерти.

– От того, что ты говоришь, становится жутко, – говорил неуверенно Тэранго.

– Ничего жуткого, это и есть жизнь, а она все равно заканчивается смертью, но ведь начинается рождением! – в этом месте его глаза вспыхивали. Так когда-то говорил Кути у Священного Камня.

*Умерших зимой ненцы захоранивают весной. Поминают тоже весной, когда прилетают перелетные птицы. Обычно на могилу приходят с добытой дичью (утки, гусь). Умерших летом – поминают осенью, когда птицы улетают (С. Д. Лапгандер, Авт.)

Похоронили старого Кути далеко в стороне заходящего солнца на вершине холма, уложив его, укутанного в тот кусок нюка,* что вырезали для выноса тела из чума,** на сделанный другом Тэранго настил головой в сторону восходящего солнца. На могиле оставили нарту старика, на которой он прошел свой последний путь от своего чума до последнего пристанища. Перед тем, как водрузить ее на место захоронения, сын Николай, топором разрубил полозья. Внутри свертка из оленьих шкур, поближе к телу покойного положили его трубку, кiset с табаком, газеты, карандаш, которым он подчеркивал значимые для себя места в прочитанных газетах. Тэранго подошел к настилу, на котором лежал его друг, достал очки, сломал их и засунул под шкуру, служившую для Кути могилой, ощутив мертвенный холод, отдернул руку; остановившись на мгновение, окинув окрест себя взором, обошел захоронение посоном.*** Затем все, включая детей, опустив низко головы в скорби, последовали за Тэранго.

Уже собрались ехать обратно, как увидели приближающуюся упряжку. Это мчался, погоняя оленей хореем, Мыртя. Подождали его. Он остановился рядом с захоронением. Ловко привязал оленей к нарте Тэранго. Поздоровался с каждым за руку, дольше придерживал длань Николая, что-то шепнул ему на ухо. Слова не долетели до слуха окружающих, но все понимали, что говорят в таких случаях. Мыртя повернувшись к своей нарте, извлек из-под оленьей шкуры почти пустой мешок, достал журнал «Огонек» и шагнул к захоронению. Что-то, пошептав, поклонился низко, подсунув журнал под могильный кусок оленьей шкуры. Так же, как только что все участники похоронной процессии, он обошел трижды по солнцу вокруг могилы.

Войдя в чум, Николай указал Мыртя рукой:

– Вот здесь он отодвинул железный лист, на котором стоит очаг.**** – Мыртя поднял глаза от очага, сразу бросилось в глаза светлое пятно новой шкуры на месте той, что еще нынешним утром вырезали женщины для выноса покойного.

– Чум переносить не будем,***** – продолжил, как бы оправдываясь, Николай, – скоро все равно уходить на летние пастбища.

– Да, конечно, зачем сейчас, накануне каслания, переносить чум, – согласился Мыртя.

– Не нужно переносить чум, – подтвердил Тэранго.

*Нюк – покрытие чума, шитое из шкур оленя или бересты, брезента. Наружная крышка (ея) шьется мехом наружу, а внутренняя (мюйко) мехом внутрь.

**Покойника обычно ненцы выносили не через входную дверь нё, а через отверстие, сделанное в том месте, где человек умер. В вырезанный кусок нюка и заворачивали покойника. Потом заделывалось отверстие новой шкурой оленя (А. В. Головнев).

***По солнцу.

****Выражение символизирует наступление смерти: вытнянувшись в предсмертных судорогах, человек как бы касается ногами железного листа, на котором раскладывается в чуме огонь (Н. М. Терещенко).

*****Обычно после смерти своего сородича ненцы переносили чум на новое место, а на месте старого чума ставили маленький чум на тот случай, вдруг душа умершего захочет погостить дома (А. В. Головнев).

Для Николая было важно получить одобрение старших. Он налил воды в чайник, подложил сухих дров. Чай пили молча, громко пошвыркивая. Через какое-то время Тэранго сказал:

– Устя, принеси нам бражки. Осталась еще, наверное? – посмотрел он на сестру, возпросительно вскинув брови.

– Есть еще, – коротко ответила Устина.

Говорили о своем друге – охотнике-оленеводе, отце, что вырастил четверых детей. Дочери уехали в другие чумы, у них свои семьи и они еще не знают, что отец уже покинул этот мир и переместился в нижний. У них еще сухие глаза, их дом пока не омрачен скорбной вестью. А у Кути родилось три дочери и сын. Все выросли здоровыми, подарив ему тринадцать внуков. Тут они вспомнили, как однажды перепутал имена внуков старый Кути, и как внуки смеялись над ним, а он почесал голову и сказал:

– Вас так много, а я такой старый, что не грех и перепутать, не грех иногда и забыть. Выпало из головы, – сказал он тогда в свое оправдание.

Внуки тогда стали дразнить его старым седым стариком, и что у него голова дырявая, раз их имена выпадают из нее. Вспоминали о Кути, не называя его имени, чтобы не призвать его в этот чум. Пусть забывает сюда дорогу. Не место теперь ему среди тех, кто живет здесь.

– Я приехал от Аули Нгокатэтто, – прервал молчание Мыртя хриплым голосом, – он который уже раз сокрушался о том, что отец не послушал когда-то Человека, ушедшего в нижний мир и жившего в этом чуме, и проявил несдержанность на охоте на диких оленей. Все знают эту историю, но я повторюсь, потому что Человек, живший в этом чуме и покинувший нас, все сделал, чтобы спасти душу растерзанного волками Майма Нгокатэтто – отца Аули. Для маленьких ушей мой рассказ предназначен, – в этом месте Мыртя посмотрел в сторону детей, а те сразу оживились, начали подвигаться поближе к рассказчику.

– Это было в тот год, когда снега выпало так много, что придавило лед, образовался большой замор, и вся рыба в большой реке погибла; когда оленям тяжело было добывать корм из-под твердого наста и случился большой падеж в наших стадах. Все помнят тот год... – в этом месте Мыртя обвел всех присутствующих скользящим взглядом, и каждый в знак согласия кивнул головой.*

– Собрались мы тогда на охоту на дикого оленя: я, Человек живший в этом чуме и ушедший в нижний мир, и Майма Нгокатэтто. Люди рассказали, что в стороне Солнца, на границе леса и тундры, где находятся Большие озера Семи Священных духов, на берегах которого живет Си ив-Нютя Варк** – Священный Семидетный Медведь, много оленей

*Ненцы не ведут счет людским годам, они не празднуют дни рождения. Обычно даты определяются по каким-либо знаменательным событиям или редким природным явлениям. «Это было в год большой воды, когда утонул какой-то знаменитый человек»; «Это было еще до войны», «Это было в тот год, когда оленей сморила болезнь» и т. д. Нарочитая отстраненность ненцев от реального времени свойственна их мировоззрению, основанной на мифологии (З. Н.Куприянова).

**Северной и южной границами тундры ведают два хозяина – Тай-Нялой Варк – Голубой Медведь, и Си ив-Нютя Варк. Первый является предводителем белых медведей, он живет в море и никогда не выходит на сушу. Второй, вернее вторая – медведица, предводительница всех бурых медведей, никогда не выходит из своей скрытой в дремучем лесу берлоги.

диких появилось, что наст там благоприятный для охоты. Три дня и три ночи искали мы нужное место, потом напали на след, нашли большое стадо недалеко от пятьсот третьей стройки. Своих оленей едва не потеряли. Трудно было им: снег глубокий, а наст не такой крепкий, чтобы оленя держать, проваливаются они, ноги режут. Остановились мы в добром месте, где ягель был хороший. Привязали оленей, каждого к отдельному дереву, чтобы ягель могли добывать, а сами дальше на лыжах пошли. Не так далеко от того места, где привязали оленей, нашли большое стадо. Полдня на лыжах прошли. Стрелили мы, сколько нужно оленей, ну, сколько увезти возможно, и домой засобирались. А Майма никак остановиться не может. Стрелит оленя, освежает, и за следующим идет. Одного, другого, третьего уже и седьмого освежевал. Сутки подряд стреляет. Уговариваем его остановиться, а он словно оглох, будто язык его к губам прилип. Молча свое дело делает. Мы уже свою добычу к оленям утащили, устали очень. Пошли Майму искать. А он уже следующего оленя свежает. Говорит ему тогда Человек, ушедший в нижний мир и живший в этом чуме: «Излишне много добычи промышлять нельзя, ибо Нум не любит, когда слишком много промышляют в запас, и такому охотнику может послать смерть. Пойдем домой, Майма. Мы поможем тебе добычу утащить к оленям, только как они увезут столько?» Не слушает его Майма. День уговаривает мой друг своего соседа, ночью у костра просит остановиться, не слушает он – все стреляет и стреляет. А оленей добывать легко: тонут они в снегу, проваливается наст, режут олени ноги об острые края наста, не могут уйти от лыжника. Уже патроны кончаются. Говорит ему снова Человек, ушедший в нижний мир и живший в этом чуме: «Патроны кончатся, как от волков будем отбиваться, если нападут, а они уже учуяли кровь, где-то неподалеку бродят, ждут удобного случая». И волками не испугаешь Майму, его уши будто ягелем кто-то законопатил. Майма сильный охотник, роста огромного, но и ему лучше дела не иметь с волками. Поняли мы, что злые духи вселились в Майма, лишили его и слуха и разума. На третьей сутки решили мы к оленям идти, а то волки еще задерут. Как домой доберемся? «Уезжайте! – кричал Майма на наши увещевания, – не мешайте мне. Видите, как мне везет, какая охота получается добычливая!» Мы уехали, понимая, что помочь ему уже ничем не можем. Злой дух вселился в его душу. Привезли свою добычу, оповестили сыновей Маймы Аули и Пудаку о том, что приключилось с отцом их. Поняли они, что отец в беде, слышали они не один раз о том, как погибают жадные охотники. Мигом собрались и помчали по свежему еще следу. Но не успели они помочь своему отцу. Нашли его, растерзанного волками. Рядом лежало ружье, но патронташ был пуст. Нож валялся окровавленный, и недалеко волк со вспоротым брюхом. До последнего защищался Майма, находясь в состоянии охотничьего азарта.

Замолчал Мыртя, установилась тишина. Даже дети не проронили ни слова. Запомнят они рассказ старого почтальона на всю жизнь.

После рассказа Мыртя взял слово Тэранго. Он еще раз напомнил присутствующим, какой Человек покинул этот мир, и то, что дожил он все же до восхода солнца.

– Теперь ему не видеть солнца, свет его недоступен в нижнем мире. Теперь ему будет доступен только бледный свет луны, и то только в то время, когда она прячется под Землю.